

художественного ремесла»⁹. С. И. Руденко указывает, что подобные изображения известны равным образом по ахеменидскому и ассирийскому искусству. Именно для этих областей — для Передней и Средней Азии — читатель и обнаруживает в книге С. И. Руденко наиболее многочисленные и яркие параллели. Мы не будем останавливаться на их перечислении, читатель легко найдет их в книге. Коснемся лишь одного факта, который, несмотря на свою малозаметность, является, по нашему мнению, весьма существенным для понимания истоков пазырыкской культуры. Как М. П. Грязнов, так и С. И. Руденко, описывая керамику, обнаруженную в Пазырыкских курганах, отмечают, что сосуды изготовлены от руки, но не ленточным налепом, характерным для сибирской керамики, а по способу четырех поясов, характерному для Средней Азии. Можно говорить об импорте оружия, украшений, художественных изделий, можно говорить о воздействиях и влиянии в области изобразительного искусства, но едва ли допустимо говорить о заимствовании техники изготовления лепной посуды. Как уже отмечалось, для Сибири и Северного Казахстана типична ленточная техника. Лепка по способу четырех поясов здесь не применялась, но в то же время в данную эпоху она была характерна для территории распространения сакских племен¹⁰. Как полагают, эта территория достигала западного Алтая, и не исключена возможность, что именно с сакским миром следует связывать происхождение пазырыкской культуры.

В целом, появление работы С. И. Руденко представляет собой большое событие, далеко выходящее за пределы интересов сибирской археологии. Прекрасно подготовленная и хорошо изданная книга найдет себе многочисленных читателей как среди широких слоев интеллигенции, так и среди специалистов — не только археологов, но и представителей ряда смежных дисциплин. Она послужит ценным источником для дальнейших исследований и в области древней истории народов нашей родины, и в области истории искусств, и в общей мировой ориенталистике. Эта книга является прекрасным завершением большой и напряженной работы, проведенной хорошо слаженным коллективом Горно-Алтайской экспедиции под руководством С. И. Руденко.

В. Н. Чернецов

Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*. Сборник статей, Изд-во Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1953.

Антропологические исследования народов Средней Азии ведутся Л. В. Ошаниным и его сотрудниками в течение 30 лет. Часть собранных за это время данных была опубликована Л. В. Ошаниным в 1927—1937 гг., но большая часть оставалась неизданной, хотя частично и была использована в качестве сравнительного материала. В рецензируемом сборнике Л. В. Ошанин и Академия наук Узбекской ССР в известной мере выполнили, хотя и с большим опозданием, свой долг перед советской и мировой наукой, введя в научный оборот оставшиеся ранее не опубликованными результаты антропологического исследования более чем шести тысяч человек, относящихся к разным национальностям Средней Азии и сопредельных областей. Кроме материалов Л. В. Ошанина и его ближайших сотрудников, в сборнике опубликованы также некоторые материалы других исследователей, среди них Д. Д. Букинича о некоторых народах Афганистана, в частности о хезарейцах, — первые, насколько нам известно, антропологические данные об этом народе, основанные на антропометрических и статистических наблюдениях.

Публикация материалов произведена в весьма «экономной» форме. В дореволюционных работах, а также в большинстве современных работ зарубежных антропологов результаты исследования, основанные на материале, в несколько раз меньшем, занимают обычно в несколько раз большее место. Краткость публикации была бы одним из достоинств сборника, если бы она не была несколько чрезмерной. Вряд ли стоило, например, округлять средние арифметические до миллиметра и ограничиваться только средними баллами описательных признаков.

Впрочем, публикация материалов, при всей важности тщательного внимания к этой необходимой стороне научного исследования, не является ни основным содержанием рецензируемого сборника, ни его главной задачей. Направленность сборника определяется его заглавием, вполне соответствующим содержанию. Сборник посвящен вопросам этногенеза, участие в разработке которых составляет одну из основных задач антропологии (хотя и далеко не единственную ее задачу).

Сборник открывается статьей Л. В. Ошанина, озаглавленной «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (Итоги 25-летних антропологических исследований в Средней Азии)». В статье описаны основные антропологические типы Средней Азии и сопредельных областей. Автор выделяет шесть типов — два монголоидных: южносибирский и центральноазиатский и четыре европеоидных: тип Среднеазиатского междуречья, закаспийский, хорасанский и переднеазиатский. Два последних на территории советских республик Средней Азии встречаются главным образом среди заведомо пришлого населения. По нашему мнению, выделение двух монголоидных типов на данной территории не оправдывается приводи-

⁹ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 204.

¹⁰ И. И. Копылов, Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным (автореферат), Л., 1953, стр. 13.

мыми материалами, да и сам автор в дальнейшем говорит о монголоидах как о едином типе. Действительно, все исторические события, прослеживаемые автором, имели следствием распространение из Центральной Азии монголоидного типа, смещение которого с древним европеоидным населением казахстанских степей привело к формированию южносибирского типа. Южносибирский тип, таким образом, не является самостоятельным ответвлением монголоидной расы наряду с центральноазиатским, как думал известный исследователь антропологии тюркских народов А. И. Ярхо.

Отражение исторических событий на антропологическом составе народов Средней Азии схематически рисуется автором в следующих основных чертах. Древнее европеоидное население Средней Азии издавна различалось по форме головы: на западе, в закаспийских степях, преобладали длинноголовые, на востоке — круглоголовые. Оба европеоидных типа в разной степени смешались с продвинувшимися из Центральной Азии монголоидами. Доля участия каждого из этих трех типов в антропологическом составе отдельных групп была различной. Определение этой доли и помогает выяснить конкретные условия формирования отдельных этнических и территориальных групп.

Вторая часть статьи посвящена истории формирования антропологического состава отдельных народов. Обзор начинается с киргизов и казахов, которые, по мнению автора, относятся к одному типу, хотя «территориально, хронологически и этнически казахи и киргизы имеют различное происхождение» (стр. 30). По сравнению с киргизами в целом монголоидные особенности у казахов менее ясно выражены. Отсюда можно сделать вывод, что древнее европеоидное население приняло участие в формировании казахов в большей мере, чем киргизов. У последних примесь европеоидных элементов настолько незначительна, что встает вопрос о том, вошло ли вообще древнее европеоидное население Киргизии в сколько-нибудь значительную меру в состав современных киргизов. Не могла ли небольшая доля примеси европеоидных типов войти в состав киргизов еще на их центральноазиатской родине? Заведомо известно, что в прошлом население степей Алтае-Саянского нагорья в антропологическом отношении принадлежало к европеоидам. То же, судя по данным Л. В. Ошанина, можно сказать и о Восточном Туркестане (Синьцзяне). Этот вопрос, имеющий большое значение для правильного понимания этногенеза киргизов, должен стать предметом пристального внимания со стороны антропологов, изучающих народы Средней Азии, так как антропологические данные должны, повидимому, сыграть в его разрешении решающую роль.

Далее автор переходит к рассмотрению данных по антропологии каракалпачков и кипчаков. Последние, занимавшие некогда видное место в истории народов Средней Азии и сопредельных областей, сейчас уже не существуют как самостоятельный народ, представляя собой локальную этнографическую группу узбекской социалистической нации. Но широкое распространение наименования кипчаков в родоплеменных названиях групп различных тюркских народов вполне оправдывает их выделение в особую группу в работе, посвященной проблемам этногенеза. Каракалпачки, представляющие собой особый, отличный от узбеков народ в пределах Кара-Калпакской АССР, также становятся в той части, которая населяет некоторые районы Ферганской долины, этнографической группой узбекского народа, хотя процесс слияния еще не завершился. Советский антрополог, руководящийся сталинским учением о нации, не являющейся, согласно этому учению, расовой общностью людей, не только не должен пренебрегать различиями в физическом типе отдельных этнографических групп, входящих в состав изучаемой им нации; он использует эти различия для конкретизации теоретического положения о сложении нации из разных рас и племен. Так и поступает Л. В. Ошанин. Составленные им таблицы (для читателя-неспециалиста следовало бы, пожалуй, дополнить их графиками) наглядно показывают, как отражается в антропологических данных заключительный этап этногенеза узбеков.

Антропологические материалы, опубликованные в сборнике, и результаты их научной интерпретации не стоят, разумеется, одиноко в комплексе данных различных наук, разрабатывающих проблемы этногенеза. Историки, как справедливо отмечает Л. В. Ошанин, со своей стороны заметили сложный состав узбекского народа. Наряду с кипчаками и каракалпачками, монголоидный компонент которых «выступает довольно ярким пятном на европеоидном фоне узбеков» (стр. 32), большая часть узбекского народа и исторически, и антропологически обнаруживает близкое родство с таджиками. В рецензируемой работе показано, однако, что взаимоотношения, узбеков и таджиков не следует слишком схематически представлять себе только как «тюркизацию иранцев» в языковом отношении. Во-первых, в состав узбеков, даже по происхождению наиболее близких к таджикам «узбеков без родовых делений», все же входит монголоидный компонент центральноазиатского происхождения. Этот компонент находится в меньшинстве, но тем не менее ясно прослеживается на антропологических данных. Значение этого факта нельзя недооценивать, в частности для разоблачения пантюркистской теории, господствующей в буржуазной Турции. Материалы по антропологии узбекского народа ясно показывают, что исторические условия, которые привели к распространению тюркских языков, имели своим отражением в антропологии распространение монголоидной расы. Этот параллелизм, ясно выступающий на востоке и все более стирающийся к западу, наглядно свидетельствует о восточном происхождении тюркских языков.

Во-вторых, из работы Л. В. Ошанина ясно следует, что пришлое монголоидные

элементы вошли и в состав таджиков, в тем большей мере, конечно, чем они территориально ближе к узбекам. Это наблюдение уточняет наши представления и об этногенезе таджиков.

Глава заканчивается описанием антропологического типа туркмен, изучение которого уже давно послужило Л. В. Ошанину для обоснования теории о сложении туркмен на базе так называемых «скифских» племен Закаспия.

Размеры журнальной рецензии не позволяют нам подробно остановиться на рассмотрении следующих глав, посвященных антропологии национальных меньшинств Средней Азии: белуджей, евреев, дунган и других. Отметим, что для антрополога вопрос об этногенезе дунган представляется достаточно ясным: это китайцы, принявшие мусульманство. Следовало бы шире использовать эти данные для искоренения распространенных еще среди дунган представлений об их происхождении от арабов, живших на китайках.

Дополнением к статье Л. В. Ошанина является работа В. Я. Зезенковой «Материалы по антропологии женщин различных племен и народов Средней Азии». Опубликованные в этой работе данные служат хорошим контролем над выводами, полученными на основании изучения мужчин. Уже поэтому следует приветствовать собрание антропологического материала среди представителей обоих полов. В данном случае выводы выдержали этот контроль. Следует помнить, однако, что в некоторых случаях исследовались только женщины (например, киргизки и казашки), что, вследствие почти неизбежных субъективных различий в методике, приводит к затруднениям при сравнении. Переносы у женщин-киргизок, исследованных Зезенковой, оказалось, например, выше, чем у мужчин, исследованных Л. В. Ошаниным, что отражает, конечно, не реальные соотношения, а методические различия.

Статья Л. В. Ошанина «К проблеме этногенеза уйгуров по данным сравнительной антропологии населения Средней Азии и Синьцзяна» показывает, что формирование узбеков и уйгуров протекало параллельными и очень сходными путями. Его же статья «Палеантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии» представляет собой сводку работ различных советских антропологов по этому вопросу. Потребность в такой работе давно ощущалась, и появление подобной статьи более чем своевременно. Л. В. Ошанин в общем верно показал, как отразились исторические события на сложении антропологического типа, и тем способствовал выяснению самой картины этих событий. По нашему мнению, следовало бы, однако, более критически подойти к вопросу о роли гуннов в этногенезе народов Средней Азии. Неоднократно повторенное в трудах А. Н. Бернштама и В. В. Гинзбурга утверждение об увеличении удельного веса монголоидного компонента в составе населения Средней Азии после появления гуннов представляет собой умозрительное построение, не подтверждающееся пока палеантропологическим материалом. По крайней мере, черепа из могильников, приписываемых гуннам, не отличаются по степени выступаania скулы и носа от черепов более древних периодов, приписываемых усуням. Примесь монголоидного элемента имеется, повидимому, у тех и других. Отсюда следует, что либо гунны не внесли в этом отношении существенных изменений, либо Кенкольский и другие могильники вообще не гуннские, по крайней мере, в этнографическом смысле. Мы лишены здесь возможности с цифрами в руках аргументировать это положение, но считаем долгом обратить на него внимание.

Сборник заканчивается статьей В. Я. Зезенковой «Материалы к палеантропологии Узбекистана и Туркмении». Опубликованные в ней материалы очень невелики, но, при крайней бедности этими данными территории обеих республик, представляют несомненный интерес. На том небольшом материале, который был в ее распоряжении, В. Я. Зезенкова смогла в общем только подтвердить выводы Л. В. Ошанина, но надо надеяться, что с накоплением новых данных они послужат и для дальнейшего развития наших знаний. Следует только пожелать, чтобы автор относился с большей тщательностью к редактированию таблиц. Непонятно, например, зачем один и тот же размер помещен в таблицы дважды; один раз с точностью до миллиметра, другой раз — до десятых долей, причем назван по-разному. Так, наименьшая ширина носовых костей — то же самое, что симитическая хорда, а межглазничная ширина то же, что дакриальная хорда. И уже совсем нехорошо, когда один размер под разными наименованиями оказывается различным и по цифрам. На табл. 45 межглазничная ширина черепа № 4 равна 22 мм, тот же размер, названный дакриальной хордой, — 21,1 мм. Иначе, как небрежностью, нельзя объяснить отсутствие симитических размеров в измерениях черепов № 2 и № 4 в той же таблице. Такие же погрешности имеются и в табл. 47 и 49. На табл. 51 измерения на черепе иногда совершенно не совпадают с измерениями на муляжах. Следовало бы как-то согласовать эти данные.

Списка опечаток в книге нет, но опечатки, к сожалению, есть (средний балл профиля лица у кипчаков в табл. 3; ширина нижней челюсти у узбеков Ленинского района в табл. 41 и др.), не говоря уже о путанице инициалов на обложке, свидетельствующей о совершенно недопустимом неуважении издательства к автору.

Следует пожелать издательству при публикации последующих работ Л. В. Ошанина, которые, как можно надеяться, появятся в непродолжительном времени, обратить внимание на качество иллюстраций, часть которых едва ли может быть названа удовлетворительной.

Г. Ф. Дебец